

А. В. Кремнева¹

*Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова*

СПОСОБЫ ВХОЖДЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В НОВЫЙ ТЕКСТ: ОТ ЭКСПЛИЦИТНОСТИ К ИМПЛИЦИТНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СМЫСЛА

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов интертекстуальности как одной из форм межтекстового взаимодействия. Трактую интертекстуальность как способ кодирования/декодирования (порождения/восприятия) смысла текста путем эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту, хранящемуся в тезаурусе автора/реципиента и служащему основой для смыслопорождения и смысловосприятия, автор рассматривает как эксплицитные маркеры интертекстуальности, так и неявные, имплицитные способы выражения межтекстовых связей. Интертекстуальный анализ двух произведений англоязычных авторов: рассказа А. Бирса “*An Occurrence at Owls Creek Bridge*” и романа У. Голдинга “*Pincher Martin*”, проведенный с опорой на прием инференции, позволил выявить как эксплицитные, так и имплицитные способы интертекстуальной переклички, осуществляемой посредством взаимодействия смыслов.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, эксплицитность, имплицитность, взаимодействие смыслов, инференция.

A.V. Kremneva

Polzunov Altai State Technical University

THE WAYS OF PRECEDENT AND NEW TEXT INTERACTION: FROM EXPLICITNESS TO IMPLICITNESS OF MEANING REPRESENTATION

The article is concerned with the study of some aspects of intertextuality as a form of intertextual interaction. The author defines intertextuality as a way of coding/decoding (generating/comprehending) the meaning of the text by explicit or implicit reference to another text, located in the author's/recipient's thesaurus and used as the basis for generating and comprehending meaning. The author analyses

¹ Анна Валерьевна Кремнева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул), член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.

both explicit and implicit markers of intertextual interaction. The intertextual analysis of the texts by two English-speaking authors: A. Bierce's story "An Occurrence at Owls Creek Bridge" and W. Golding's novel "Pincher Martin", based on the device of inference, enabled the author to point out explicit as well as implicit ways of intertextual crosstalk, carried out by means of interaction of meanings.

Key words: intertextuality, precedence, explicitness, implicitness, interaction of meanings, inference.

Статья продолжает серию публикаций автора, посвященную различным аспектам феномена интертекстуальности. На сегодняшний день сложилось несколько подходов к изучению данной формы межтекстового взаимодействия, при этом одни исследователи фокусируют внимание на взаимодействии текстов как продолжении литературной традиции, другие говорят об интертекстуальности как об особом способе прочтения и интерпретации текста, третьи рассматривают ее как словесный творческий акт или стилистический прием, четвертые трактуют интертекстуальность в семиотическом плане как особый способ смыслопорождения, выводя этот процесс в семиотическое пространство культуры. Становление когнитивной парадигмы в лингвистике и интеграция когнитивного и семиотического подходов послужили основой для рассмотрения феномена интертекстуальности в когнитивно-семиотическом ракурсе.

Рассматривая интертекстуальность в когнитивно-семиотическом ракурсе, мы определяем ее как способ кодирования/декодирования (порождения/восприятия) смысла текста путем эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту, хранящемуся в тезаурусе автора/реципиента и служащему основой для смыслопорождения и смысловосприятия [Кремнева, 2017, с. 89]. Такая трактовка интертекстуальности подводит нас к необходимости рассмотрения как эксплицитных, так и имплицитных, скрытых от непосредственного вычленения маркеров интертекстуальности, что и является задачей этой статьи.

Говоря о различных формах, в которых может осуществляться межтекстовое взаимодействие, Р. Барт отмечал: "*The intertext is not necessarily a field of influences: rather it is a music of figures, metaphors, thought-words; it is the signifier as siren*" [Roland Barthes par Roland Barthes, 1977, p. 145]. Из этого следует, что Р. Барт также понимал интертекстуальность достаточно широко, включая в нее как область литературных влияний, т. е. литературоведческий аспект, так и лингвистический аспект: фигуры речи, метафоры, а также так называемые *thought-words*, под которыми он понимал имена

различных понятий, которые, будучи употребленными в ином историческом и культурном контексте, отличном от их первоначального употребления, могут получать иную интерпретацию.

На важность учета имплицитных, или неявных способов выражения межтекстовых связей, указывает и У. Эко. Он пишет: «Порою интертекстуальные отсылки настолько незаметны, что, если некоторое ехидство в тексте и есть, за него целиком отвечает эмпирический автор, хотя при этом можно сказать, что сам текст ничего не предпринимает для того, чтобы быть понятым (даже если апеллирует к ехидству образцового читателя, который должен был бы опознать отсылку к топосу предшествующей литературы)» [Эко, 2015, с. 342]. Исходя из важности имплицитных способов интертекстуального взаимодействия, У. Эко выделяет два типа интертекстуальных сигналов: те, в которых отсылка к прецедентному тексту прозрачна, и те, в которых эта отсылка непрозрачна сама по себе или непрозрачна для той культуры, к которой принадлежит переводчик [там же, с. 342-343], указывая тем самым на учет феномена интертекстуальности при переводе.

На значимость неявных, скрытых способов выражения межтекстового взаимодействия указывает и Дж. Фрау, подчеркивая, что именно имплицитные способы играют большую роль для выявления тех главных идей, или посылов (*messages*), которые стремятся выразить авторы в своих произведениях [Frow, 1990, p. 45]. Кроме того, мы полагаем, что выявление и анализ имплицитных способов межтекстового взаимодействия на основе интеграции лингвистического и литературоведческого подходов к изучению интертекстуальности способствует более глубокому пониманию ее сущности.

Исходя из вышесказанного, попытаемся рассмотреть эксплицитные и имплицитные маркеры интертекстуальности и показать диффузность границ между ними, другими словами, проследить путь от цитаты как наиболее эксплицитного маркера к ассоциации как имплицитному способу выражения межтекстовых связей, путь, который совпадает в своей основе со ступенями семиозиса, в числе которых репрезентация – символизация – знак [Пирс, 2000, с. 76-78].

К числу эксплицитных маркеров интертекстуальности относятся, в первую очередь, цитаты. При этом способы вхождения цитат из прецедентного текста в порождаемый текст могут быть самыми различными: от дословного цитирования до едва уловимых аллюзий на прецедентное высказывание и, наконец, до отсутствия

каких-либо эксплицитных маркеров, когда связь между взаимодействующими текстами носит ассоциативный характер и выявляется лишь в процессе интерпретации текста, становясь возможной только при условии наличия компетентного читателя, способного выявить эти связи. Точное, или дословное цитирование, наиболее характерно для таких видов дискурса, как научный, политический и религиозный, при этом цитата может служить как средством подтверждения, так и опровержения исходного тезиса (за исключением религиозного дискурса, в котором роль цитаты чаще всего используется для подтверждения исходного тезиса). При этом смысл цитаты, опосредованный сознанием интерпретатора, может получать иную интерпретацию, что является результатом диалога двух сознаний и находит свое вербальное выражение в комментировании цитаты.

Особого внимания заслуживают так называемые квазицитаты, или псевдо-цитаты, которые могут иметь различный характер и выполнять различные функции. Говорящий может намеренно выражать свое собственное мнение, маскируя его под цитату известного лица с тем, чтобы убедить собеседника в значимости выражаемого им суждения. Так, например, поступает молочник Тевье, нередко выдавая собственные мысли за библейские высказывания, и поэтому каждый раз предваряет выражение собственного мнения фразой *“As the Good Book says”*. *‘As the Good Book says: ‘When a poor man eats a chicken, neither of them is sick’. ‘Where does the Book say that?’ ‘Well, it doesn’t exactly say that, but someplace it has something about a chicken’ (Stein J. Fiddler on the Roof. Based on Sholom Aleichem’s Stories).*

Квазицитата может также служить показателем уровня развития языковой личности, богатства или, напротив, ограниченности ее интертекстуального тезауруса. Этот прием использования только лишь маркера интертекстуальности – аллюзий на прецедентные имена и пословицы широко используется авторами для создания образов персонажей. Так, в коротком рассказе А. Белякова автор, описывая современную героиню, редактора одного из глянцевого журналов, подчеркивает ее особую любовь к украшению (помимо всех прочих украшений, столь обожаемых ею) своей речи различными квазицитатами и аллюзивными ссылками типа *«Я просто какая-то героическая женщина. Просто Инесса Арманд, жена декабриста»*; *«Я вот тоже только с деловой встречи. Кручусь как пчелка в колесе»*; *«Так что я тут как Консуэло. Дождалась своего капитана Грея» (Беляков А. Альбина и Петраков).* С помощью этих нескольких штрихов,

приобретающих иронический смысл, автор передает атмосферу сегодняшней гламурной среды и ее обитателей.

Квазидитаты, как отмечает А.Д. Васильев, могут передавать и глубокий авторский замысел. Он при этом ссылается на мнение Р.А. Будагова, отмечавшего, что проблема точности и неточности может иметь множество аспектов и объяснений. Так, исследователи творчества А.М. Горького обратили внимание на то, что в его романе «Жизнь Клима Самгина» содержится большое число неточных цитат. При этом сам Горький в своих письмах указывал на то, что неточным цитированием он хотел передать сумятицу, царившую в умах интеллигенции того времени, т.е. неточность цитирования имела преднамеренный характер и глубокий смысл, иконически отражая состояние умов интеллигенции начала XX века [Васильев, 2013, с. 85].

Для художественного текста более характерны модифицированные скрытые, неясные, или аллюзивные цитаты [Мамаева, 1977]. Специфической особенностью подобных цитат является то, что они вводятся без формальных маркеров, т. е. без кавычек и ссылок на автора, в результате чего они образуют более тесное единство с новым текстом. Вплавляясь в новое окружение, такая аллюзия может полностью ассимилироваться с ним и в то же время отделить себя от него, тем самым словно позволяя «другому миру излучать свой свет в замкнутый мир романа» [Meyer, 1968, p. 6]. Интерпретация текстов с аллюзивными цитатами является своеобразной «игрой в прятки» и рассчитана на высокий уровень интертекстуальной компетенции читателя и игру воображения [Meyer, 1968, p. 7].

Аллюзивные цитаты могут быть результатом различных преобразований прецедентного текста. В следующем примере героиня романа Дж. Фаулза преобразует исходную поговорку *to kill two birds with one stone*, редуцируя ее и заменяя в ней всего одно слово, и использует ее для объяснения своего экзотического хобби – кражи вещей (*shoplifting*) в дорогих супермаркетах:

'I steal everything. Didn't you realize?'

'Everything!'

*'I never steal from small shops. Only the big stores. They ask for it. Don't look so shocked...I hate big stores. And not just capitalists. Pommy capitalists. Two birds with one steal' (J. Fowles. *The Magus*).*

Приведем еще один пример модификации прецедентного текста при порождении нового.

Fleming was currently the country's foremost batsman, and he'd been something of a legend for the last two years. He had been chosen to

*play for England for the first time at the unusual age of thirty. He'd not come up in the typical way: either through secondary school or university cricket grounds or through experience with the colts and the country seconds. Rather he had played in an East League for a factory team, of all things, where a retired coach from the Kent country side had seen him one day and had offered to take him on. A long spate of private coaching, it was. Which was one mark against him, something people called a variation of the silver spoon syndrome (E. George. *Playing for the Ashes*).*

В качестве интертекста в данном отрывке используется усеченный вариант английской идиомы *to be born with a silver spoon in one's mouth* – родиться в рубашке, родиться под счастливой звездой. Наличие знания данной идиомы в интертекстуальном тезаурусе читателя позволяет ему восстановить по сочетанию *silver spoon* содержание всей идиомы и адекватно интерпретировать все содержание отрывка, повествующего о новой звезде на спортивном небосклоне Англии, в восхождении которой ведущую роль сыграло удачное стечение обстоятельств.

Автор может использовать прецедентное высказывание или имя, «творя» от него производные, как, например:

*It was far less that he believed in what we would call today upward social mobility that he permanently missed the jolly expansiveness, the three-men- in-a-boatishness, of a large 1890s Edwardian household... (J. Fowles. *The Tree*).*

Приведем еще один пример аллюзивной цитаты, редуцированной до одного слова. Так, в самом начале своего романа “*The Ebony Tower*” Джон Фаулз употребляет фразу *He came on the promised sign* (J. Fowles. *The Ebony Tower*). У искушенного читателя (а именно таким читателям адресовано творчество Джона Фаулза) возникает ассоциация с библейской фразой “*The Promised Land*”, и прочтение романа лишь подтверждает смысл этой фразы, поскольку трехдневное пребывание главного героя в этом месте и его знакомство с его обитателями действительно оставляет у него впечатление о посещении Земли Обетованной. У неискушенного же читателя не возникнет ассоциации с библейским текстом, а потому глубинный смысл романа останется не до конца понятным. Примечательно, что при переводе на русский язык («обещанный указатель») (Дж. Фаулз. Башня из черного дерева) эта связь с библейской фразой утрачивается вследствие различий в семантическом объеме слов *promised* и *обещанный*.

В отличие от аллюзивной цитаты, «чистая» аллюзия представляет собой прием косвенной ссылки в виде слова или фразы

на исторический, литературный, мифологический факт или факт из повседневной жизни, используемый говорящим в устной или письменной речи [Galperin, 1977, p. 187]. Так как аллюзия вводится в текст или высказывание без каких-либо формальных маркеров, условием ее идентификации является известность факта, на который делается ссылка. Примером такой аллюзии, которую часто цитируют в американской культуре, является следующая: во время антракта в театре к одному человеку подходит незнакомец и говорит: «*Вы знаете, что Вы поразительно похожи на президента Линкольна?*». В ответ тот вскрикивает: «*Прошу Вас, только не в театре*». Данная аллюзия построена на общеизвестном историческом факте – 14 апреля 1865 года, находясь на премьере спектакля в театре Форда, 16-й президент США Авраам Линкольн получил смертельное ранение в голову, в результате которого на следующий день скончался.

Прецедентный текст может подвергаться столь значительной модификации, что он с трудом вычлняется в высказывании. Например, главный персонаж романа Г. Грина «Тихий американец» (“The Quiet American”) британский журналист Фаулер, рассматривая внешность двух американских девушек, которые кажутся ему абсолютно одинаковыми, лишенными индивидуальности, словно являются продуктом массового производства (*They each had a bag slung on the left shoulder and the bags were identical, with brass eagle badges. Their legs were identical too, long and slender, and their noses, just a jade tilted...*), описывает их внешность следующей фразой: “*I wondered whether they were Pyle’s colleagues: they were charming, and I wanted to send them home too*” (G. Greene, *The Quiet American*). С одной стороны, фраза *I wanted to send them home too* оказывается настолько «впаянной» в текст, что ее смысл может быть интерпретирован буквально: он хотел, чтобы они, как и американец Пайл, который отобрал у него любимую женщину, уехали домой. Однако внимательный читатель может опознать в этом высказывании редуцированную фразу *Yankee, go home*, и при таком прочтении данное предложение выявляет более глубокий смысл, тесно связанный с основной идеей этого романа.

Автор может использовать аллюзию на прецедентный текст, используя при этом лишь ритмико-синтаксическую структуру прецедентной фразы, наполняя ее новым лексическим содержанием. Например:

The contemporary sociolinguistic dilemma of English pronoun usage – to ‘he’ or ‘not to he’ illustrates a larger theoretical point about language as a semiotic system (M. Silverstein. Language and the culture of

gender);

Her presence made me rest, every muscle, every atom, became quiet and relaxed. I lived, I saw, I was (I. Murdoch. A Word Child);

I write, therefore I am (J.Fowles. The Magus).

И, наконец, автор может не использовать прямых ссылок на прецедентный текст или прецедентную ситуацию, оказывая своеобразный кредит доверия читателю, который сам обнаруживает ассоциативную связь между текстом-донором и принимающим текстом. Так, в романе Дж. Оруэлла мы читаем следующую фразу: “*It was always at night – the arrests invariably happened at night*” (G. Orwell, 1984), в которой невозможно не увидеть ассоциативную связь с трагическими событиями сталинского режима.

О роли аллюзий говорил Кама Гинкус в программе «Наблюдатель» 28.09.15, рассказывая о том, как в 1965 году запрещали «Римскую комедию» Л. Зорина. Цензура потребовала «Уберите аллюзии!». Аллюзии убрали, а ассоциации остались. Спектакль был запрещен.

Интертекстуальная переключка может носить характер взаимодействия смыслов, т. е. ассоциативной связи между произведениями, которые сближаются в сфере выражаемой ими доминантной идеи. Многие исследователи, принимающие т.н. узкую трактовку интертекстуальности, исключают их из числа маркеров, относя их к области литературоведения. Наша трактовка интертекстуальности, основанная на интеграции лингвистического и литературоведческого анализов, позволяет нам рассматривать подобные случаи как имплицитные маркеры интертекстуальности. Основным приемом выявления имплицитных маркеров интертекстуальных связей в процессе исследования является инференция, под которой мы понимаем процесс получения выводных знаний, выявляемых в результате интроспективного анализа текста и его герменевтического прочтения. Е.С. Кубрякова рассматривала инференцию как одну из «важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 33-34]. Инференция, по ее мнению, является одним из основных условий понимания текста.

Говоря о роли выводного знания для понимания смысла текста, Ю. Чарняк подчеркивает, что «важной чертой, общей для большинства случаев использования языка, является применение к тексту или к отдельному высказыванию предварительно накопленных

знаний для выведения умозаключений» [Чарняк, 1983, с. 188]. При изучении проблемы интертекстуальности и выявлении маркеров в качестве таких предварительных знаний выступает интертекстуальный тезаурус читателя или исследователя, который способствует не только узнаванию маркеров межтекстового взаимодействия, но и выявлению скрытых смыслов, объединяющих произведения разных авторов.

Итак, опираясь на прием инференции, обратимся к интертекстуальному анализу двух произведений, ставя своей задачей выявление объединяющих их смысловых интертекстуальных перекличек. Это рассказ американского писателя А. Бирса *“An Occurrence at Owls Creek Bridge”*, написанный им в 1890 году, и роман английского писателя У. Голдинга *“Pincher Martin”*, впервые опубликованный в 1956 году. Эти два произведения, разделенные как временем, так и пространством, повествуют о разных событиях: рассказ А. Бирса описывает эпизод гражданской войны в Америке – казнь южного плантатора на мосту через Совиный ручей, а роман У. Голдинга повествует о судьбе английского моряка, выброшенного на берег Атлантического океана в результате атаки немецкого торпедоносца на британский корабль.

В рассказе А. Бирса, занимающем всего шесть страниц, мы застаем героя во время приготовления к предстоящей казни за попытку сжечь мост. В считанные доли секунды перед смертью, когда он отчаянно думает о том, как спастись от неминуемой гибели, в его сознании выстраивается «возможный мир», в котором веревка обрывается и он падает в реку, борется за собственную жизнь, выбирается из реки, проделывает долгий путь домой, где его ждет семья. Таким образом, реальное физическое время, которое исчисляется несколькими секундами, в сознании героя «растягивается» на длительный срок: он вспоминает свою семью, причины, которые привели к его казни (этому посвящена вторая глава рассказа). Далее в рассказе подробно представлены события «возможного мира»: его борьба с течением реки, побег от преследователей, долгий (в течение суток) путь домой. Описание отчаянной борьбы героя за выживание выполнено автором столь реалистично, с множеством конкретных подробностей, что читатель начинает невольно верить в реальность описываемых событий.

He had come to the surface facing down the stream, in a moment the visible world seemed to wheel slowly round, himself the pivotal point, and he saw the bridge, the fort, the captain, the sergeant, the two privates, his executioners... They shouted and gesticulated, pointing at him....

И только финальные строки рассказа возвращают читателя в

мир реальности:

Peyton Farquar was dead; his body, with a broken neck, swung gently from side to side beneath the timbers of the Owl Creek bridge (A. Bierce. An Occurrence at Owls Creek Bridge).

Отмечая большое влияние этого рассказа А. Бирса на мировую литературу, исследователи находили следы этого влияния в «Алом знаке доблести» Стивена Крейна, в «Снегах Килиманджаро» Эрнеста Хемингуэя, в «Тайном чуде» Хорхе Луиса Борхеса. Большое влияние А. Бирса, на наш взгляд, прослеживается в романе У. Голдинга *“Pincher Martin”*. Сюжет данного романа, на первый взгляд, кажется довольно простым. Будучи выброшенным на берег, английский моряк Кристофер Мартин отчаянно борется за собственную жизнь, упорно повторяя одну и ту же фразу *“I will not die”*, и в этой попытке выжить можно, конечно, увидеть сюжетную параллель с «Робинзоном Крузо». Другие критики рассматривают роман как своего рода вариант современного мифа о Прометее, «человеке, обокравшем небожителей и в наказание прикованном Зевсом к скале». Но эти сюжетные параллели не составляют основу глубокого философского смысла данного романа, сближающего его с рассказом А. Бирса. Большая часть романа, ретроспективно предлагающая читателю историю жизни персонажа, прозванного воришкой Мартином, описывает заново прожитую им в последние секунды жизнь (не случайно изданный в США вариант романа носит название «Две смерти Кристофера Мартина»), когда он не успел даже сбросить сапоги, о чем читатель узнает в заключительных строках романа, когда участник поискового отряда, увидев на берегу его тело, произносит: *“He didn’t even have time to kick off his seaboot”*. Именно осознание того, что все предыдущее повествование – это не столько реальный, сколько «вымышленный мир» как попытка выживания не в его физическом, а метафизическом смысле, как отмечает М. Квинн, заставляет нас если не перечитать, то переосмыслить роман на более глубинном уровне [Quinn: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-8705.1962.tb01422.x/abstract>].

Именно этот глубинный уровень сближает роман У. Голдинга с рассказом А. Бирса. Объединяющим моментом этих двух произведений является исследование их авторами в художественной форме таких сложных тем, как граница между реальным и возможным, или вымышленным миром в попытке человека спастись от неминуемой смерти, работа человеческого сознания при переходе от жизни к смерти и тесно связанная с этим тема времени как психологического феномена, способного замедлять или ускорять свой

бег, сжиматься или растягиваться (Вспомним, как характеризует эту особенность времени Джон Фаулз: «Как же относительно время! Разве можно сравнить полчаса в ожидании любимой и полчаса ожидания поезда? Нелепо думать, что полчаса существуют сами по себе» [Фаулз, 2008, с.132]). Именно эти доминантные смыслы объединяют эти два произведения.

Эта общность глубинного смысла может быть выявлена только в результате «вчитывания» в текст этих произведений, и только на основе такого «вчитывания» можно получать выводное знание.

Так, в рассказе А. Бирса работа сознания при переходе от жизни к смерти находит свое художественное воплощение в следующем предложении:

As he is about to clasp her, he feels a stunning blow upon the back of the neck; a blinding white light blazes all about him with a sound like the shock of a cannon – then all darkness and silence” (A. Bierce. An Occurrence at Owls Creek Bridge).

По сути дела, в данном предложении отражаются оба мира: вымышленный и реальный. Первая часть предложения описывает вымышленный мир, в котором персонаж в тот самый момент, когда он собирался обнять жену, встречающую его на пороге дома, ощущает нанесенный ему удар в затылок, а последовавший за этим ослепительно яркий белый свет, а за ним – темнота и молчание – это переход из бытия в небытие.

В романе У. Голдинга эта тема находит иное художественное воплощение. Автор создает картину угасающего сознания с помощью использования значительного числа абстрактных имен качества, таких, как *redness, brightness, darkness*. Например:

He arched and gaped, he rose over the chasm of deep sea on a swell and his mouth opened to scream against the brightness (W. Golding. Pincher Martin).

Смысловое назначение абстрактных существительных качества в данном контексте состоит в том, чтобы показать, что окружающий мир воспринимается только с помощью каналов чувственного восприятия, с помощью зрительных и тактильных рецепторов, которые воспринимают свойства окружающих предметов, но эти объекты уже не могут концептуализироваться сознанием, на что косвенно указывает многократный повтор лексемы *snarl* (*пуганица, беспорядок*). Как отмечает Л.В. Брикотнина, абстрактные имена качества могут служить своеобразными «якорями», помогающими выявить доминантный смысл текста [Брикотнина, 2005, с. 161]. В романе У. Голдинга с помощью этих «якорей» автор воссоздает

художественными средствами картину сознания человека в момент перехода от жизни к смерти.

Тема времени как психологического феномена и его отличие от времени реального, физического наиболее отчетливо представлена именно в заключительных строках романа Голдинга, которые заставляют нас осознать, как за несколько секунд до смерти человек мысленно может заново пережить и переосмыслить свою жизнь. В рассказе А. Бирса эта тема передается иначе: с помощью упоминания времени в его различных манифестациях при описании наиболее эмоционально напряженных моментов. Так, в момент ожидания казни ему слышится резкий и громкий периодически повторяющийся звук, напоминающий звук молота и наполняющий его страхом. Так он воспринимает тиканье своих часов, которые словно отбивают последние мгновения его жизни:

Striking through the thought of his dear ones was a sound which he could neither ignore nor understand, a sharp, distinct, metallic percussion, like the stroke of a blacksmith's hammer on a death knell. He awaited each stroke with impatience and – he knew not why – apprehension. The intervals of silence grew progressively longer, the delays became maddening. With their greater infrequency the sounds increased in strength and sharpness. They hurt his ear like the thrust of a knife; he feared he would shriek. What he heard was the ticking of his watch (A. Bierce. An Occurrence at Owls Creek Bridge).

Данный отрывок показывает со всей отчетливостью психологический аспект времени в минуты огромного эмоционального напряжения: тиканье часов воспринимается как удары молота, промежутки между звуком часов кажутся все более и более продолжительными, т. е. время растягивается в сознании до пределов вечности, и в этот момент происходит переход от описания мира реальности к «возможному миру», который выстраивает в своем сознании персонаж в отчаянной попытке сохранить свою жизнь:

As Peyton Farquahar fell straight down the bridge, he lost consciousness and was as one already dead. From this state he was awakened – ages later, it seemed to him – by the pain of a sharp pressure upon his throat, followed by a sense of suffocation” ((A. Bierce. An Occurrence at Owls Creek Bridge).

В.С. Библер, говоря о таком межтекстовом взаимодействии, которое может осуществляться «через года, через страницы, через иные сюжеты», характеризует такое взаимодействие как «затаенную переключку» [Библер, 1997]. Можно полагать, что именно с таким типом межтекстового взаимодействия мы имеем дело в случае с

текстами А. Бирса и У. Голдинга.

Глубинные смыслы, «вычитываемые» в процессе смысловой интерпретации этих текстов и извлекаемые с помощью приема инференции, позволяют говорить о взаимодействии между этими произведениями, происходящем на уровне смысловой интертекстуальной переклички.

Всё сказанное позволяет заключить, что, помимо эксплицитных маркеров интертекстуального взаимодействия, большая роль в осуществлении интертекстуальной переклички принадлежит имплицитным средствам, главным из которых является взаимодействие смыслов, выявляемое на основе интроспективного анализа текстов и приема инференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библер, В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков / В.С. Библер. – Москва: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.

Брикогнина, Л. В. Специфика семантики абстрактных имен качества и ее экспликация в синтаксисе (на материале английского языка) : дис. ...канд. филол. наук / Л.В. Брикогнина. – Барнаул, 2005. – 190 с.

Васильев, А. В. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учеб. пособие / А. В. Васильев. – Москва: Флинта, 2013. – 343 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

Кремнева, А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры / А.В. Кремнева. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. – 380с.

Мамаева, А. Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзий: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Мамаева. – Москва, 1977. – 23 с.

Наблюдатель. Кама Гинкас и Сергей Юрский. Эфир от 28.09.2015 [Электронный ресурс] // Информационная программа «Наблюдатель» по будням. – URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1233103/video_id/1384033/viewtype/picture/ (14.08.2018).

Пирс, Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс. – Санкт-Петербург: Лаборатория метафизических исследований философского фак-та

СПбГУ: Алетея, 2000. – 318 с.

Чарняк, Ю. Умозаключения и знания. Ч. 1-2 / Ю. Чарняк // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 172-227.

Эко, У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе / пер. с итал. А. Коваля. – Москва: АСТ: CORPUS, 2015. – 736 с.

Roland Barthes by Roland Barthes; trans. by Richard Howard. Berkeley • Los Angeles University of California Press, 1977. – 186p.

Frow, J. Intertextuality and Ontology // Intertextuality. Theories and Practice / Edited by M. Worton and J. Still. – Manchester; New York: Manchester University Press, 1990. – P. 45-55.

Galperin, I. R. Stylistics / I.R. Galperin. – Moscow: Higher School, 1977. – 332 p.

Meyer, H. The Poetics of Quotation in the European Novel / H. Meyer. – Prince-town, 1968. – 290 p.

Quinn, M. An Unheroic Hero [Electronic resource] / M. Quinn // Wiley Online Library – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-8705.1962.tb01422.x/abstract>. – Title From screen.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Беляков, А. Альбина и Петраков / А. Беляков // Саквояж СВ, 2006. – Сентябрь.

Фаулз, Дж. Башня из черного дерева / Дж. Фаулз ; пер. с англ. И. Бессмертной. – Москва: АСТ, 2008. – 159 с.

Bierce, A. An Occurrence at Owl Creek Bridge / A. Bierce // Angles of Vision. Reading, Writing and the Study of Literature. – McGraw-Hill, Inc., 1992. – P. 342-347.

Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. – London, Little Brown & Company, 1974. – 291p.

Fowles, J. The Magus / J. Fowles. – New York, Dell Book, 1968. – 605p.

Fowles, J. The Tree / J. Fowles. – London : Vintage, 2000. – 94p.

George, E. Playing for the Ashes / E. George. – Bantam Books, 1994. – 678 с.

Golding, W. Pincher Martin / W. Golding. – Mariner Books, 2002. – 216p.

Greene, G. The Quiet American / G. Green. – Moscow: The Higher School Publishing House, 1968. – 267 с.

Murdoch, I. A Word Child / I. Murdoch. – London Vintage, 2002. – 391p.

Orwell G. 1984 / G. Orwell. – Москва: Иностранная литература, 1977. – 336 с.

Silverstein, M. Language and the culture of gender: at the intersection of structure, usage, and ideology / M. Silverstein // *Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives*. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 219-259.

Stein, J. *Fiddler on the Roof*. Based on Sholom Aleichem's Stories / J. Stein. – New York, Pocket Books, 1972. – 160p.

REFERENCES:

Bibler, V. S. Na granyah logiki kulturi. Kniga izbrannih ocherkov / V. S. Bibler. – Moskva : Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo, 1997. – 440 s.

Brikotnina, L. V. Spetsifika semantiki abstraktnih imyon kachestva I eyo eksplikatsiya v sintaksise (na material angliyskogo yazika): dis. ...kand. philol. nauk / L. V. Brikotnina. – Barnaul, 2005. – 190 s.

Charnyak, U. Umozaklucheniya I znaniya. Ch. 1-2 / U. Charnyak // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. – 1983. – Vip. 12. – S. 172-227.

Eco, U. Skazat pochti to zhe samoye: opiti o perevode / per. s ital. A. Kovalya. – Moskva : AST: CORPUS, 2015. – 736 s.

Kratkiy slovar kognitivnih terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, U. G. Pankrats, L. G. Luzina ; pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy. – Moskva : MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. – 245 s.

Kremneva, A. V. Intertextualnost kak odna iz form mezhtextovogo vzaimodeystviya v semioticheskom prostranstve kulturi // A. V. Kremneva. – Barnaul : Izd-vo AltGTU, 2017. – 380 s.

Mamayeva A. G. Lingvisticheskaya priroda I stilisticheskiye funktsii allusiy: avtoref. dis. ... kand. philol. nauk / A. G. Mamayeva. – Moskva, 1977. – 23 s.

Nabludatel. Kama Ginkas I Sergey Ursky. Efir ot 28.09.2015 [Eletronnyy resurs] // Informatsionnaya programma «Nabludatel» po budnyam. – Rezhim dostupa: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1233103/video_id/1384033/viewtype/picture/. – Zagl. s ekrana.

Pierce, Ch. Nachala pragmatizma / Ch. Pierce. – Sankt-Peterburg : Laboratoriya metaphisicheskikh issledovaniy filosofskogo fak-ta SPbGU : Aleteya, 2000. – 318 s.

Vasilyev, A. V. Intertextualnost: pretsedentniye fenomeni: ucheb. posobiye / A. V. Vasilyev. – Moskva : Flinta, 2013. – 343 s.

Roland Barthes by Roland Barthes; trans. by Richard Howard. Berkeley • Los Angeles University of California Press, 1977. – 186p.

Frow, J. Intertextuality and Ontology // Intertextuality. Theories and Practice / Edited by M. Worton and J. Still. – Manchester; New York: Manchester University Press, 1990. – P. 45-55.

Galperin, I. R. Stylistics / I.R. Galperin. – Moscow: Higher School, 1977. – 332 p.

Meyer, H. The Poetics of Quotation in the European Novel / H. Meyer. – Prince- town, 1968. –290 p.

Quinn, M. An Unheroic Hero [Electronic resource] / M. Quinn // Wiley Online Library – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-8705.1962.tb01422.x/abstract>. – Title From screen.

Illustrative sources

Belyakov, A. Albina I Petrakov / A. Belyakov // Sakvogyag SV, 2006. – Sentyabr.

Fowles, J. Bashnya iz chernogo dereva / J. Fowles ; per. s ang. I. Bessmertnovoi. – Moskva : AST, 2008. – 448 s.

Bierce, A. An Occurrence at Owl Creek Bridge / A. Bierce // Angles of Vision. Reading, Writing and the Study of Literature. – McGraw-Hill, Inc., 1992. – P. 342-347.

Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. – London, Little Brown & Company, 1974. – 291p.

Fowles, J. The Magus / J. Fowles. – New York, Dell Book, 1968. – 605p.

Fowles, J. The Tree /J. Fowles. – London : Vintage, 2000. – 94p.

George, E. Playing for the Ashes / E. George. – Bantam Books, 1994. – 678 c.

Golding, W. Pincher Martin / W. Golding. – Mariner Books, 2002. – 216p.

Greene, G. The Quiet American / G. Green. – Moscow: The Higher School Publishing House, 1968. – 267 c.

Murdoch, I. A Word Child / I. Murdoch. – London Vintage, 2002. – 391p.

Orwell G. 1984 / G. Orwell. – Москва: Иностранная литература, 1977. – 336 c.

Silverstein, M. Language and the culture of gender: at the intersection of structure, usage, and ideology / M. Silverstein // Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 219-259.

Stein, J. Fiddler on the Roof. Based on Sholom Aleichem's Stories / J. Stein. – New York, Pocket Books, 1972. – 160p.